Л. В. Осипова-Дербас

ТЕОРИЯ Г. СПЕНСЕРА В СВЕТЕ СОВРЕМЕННЫХ СИСТЕМНЫХ ПРЕДСТАВЛЕНИЙ

Работа представлена кафедрой социологии
Санкт-Петербургского государственного инженерно-экономического университета.

Два знаменитых эволюциониста – Г. Спенсер, главным направление исследований которого была социальная эволюция, и Ч. Дарвин, исследовавший эволюцию биосферы Земли, жили и работали в одно время и в одной стране.

Г. Спенсер начал публиковать свои эволюционные идеи, раньше Ч. Дарвина, но ошибки, которые исследуются в этой статье, связанные с недостаточно глубоким пониманием Спенсером системности эволюционных процессов, позволили ему обнаружить только одну сторону эволюционных механизмов – дифференциацию под влиянием внешних сил.

Однако другая сторона эволюционных механизмов – внутрисистемные процессы, направленные на стабилизацию, связанные со способностью систем оказывать активное сопротивление внешним воздействиям, выпали из поля зрения ученого. Поэтому автором теории эволюции стал Дарвин, а не Спенсер, а закономерности социальной эволюции до сих пор не имеют единой системной основы.

Ключевые слова: *Г. Спенсер, Ч. Дарвин, социальная эволюция, единство системных процессов.*

тей, находящихся в равновесии, – одна из центральных идей в работах Спенсера, для иллюстрации которой он приводит многочисленные аналогии «...между кровью живого тела и находящейся в обращении массой произведений в политическом теле… между развитием промышленного устройства и развитием питательного аппарата» [6, с. 272–297], между властью и нервной системой и многие другие аналогии, которые иллюстрированы историческими примерами.

Аналогии, которые приводит Г. Спенсер, звучат для современной науки весьма наивно, поскольку любая система имеет аналогичный план строения (конечно, не стоит забывать, что Спенсер работал полтора века назад). Причину таких всеобщих аналогий Г. Спенсер не назвал, а она есть и заключается в системной природе приводимых биологических структур. Действительно, любая живая система имеет аналогичный план строения, так как должна как-то управлять своими элементами, осуществлять взаимодействия элементов, транспортировку необходимых для жизни веществ, иметь возможности для их перераспределения и переработки и т. д., что неизбежно ведет к формированию соответствующих структур, обеспечивающих эти процессы. Причем, чем разнообразнее взаимодействие системы со средой, тем сложнее ее структура и более дифференцированы и специализированы отдельные структуры. Более того, аналогичный план имеют не только биологические, но и другие системы, поэтому сравнение можно продолжить и сравнивать общество, например, с самолетом, с системой водоснабжения, банковской системой и т. д.

Кроме аналогий Спенсер отмечает и отличия между организмом и обществом, причины которых он не объяснил, но согласно современным системным представлениям они очевидны и связаны с различными системными уровнями, что и выражается в различиях.

Указывая на ошибочность слишком прямого отождествления общества и организма, М. Ковалевский замечает, что определение государства как суперорганизма не прибавляет научного знания. «…Так как другого суперорганизма мы не знаем, то государство может быть и суперорганизм, а что такое оно из себя представляет, этого из такого определения мы вывести не можем» [3, с. 127].

В работе «Прогресс, его закон и причина» Г. Спенсер пишет: «Начиная от первых сколько-нибудь заметных изменений и до последних результатов цивилизации мы находим, что превращение однородного в разнородное есть именно то явление, в котором заключается сущность прогресса» [6, с. 24].

В свете этих представлений Г. Спенсера в человеческих обществах социальное поведение выглядит как, безусловно, жестко запрограммированное едиными естественными законами развития, которые, по его мнению, заключаются в неизбежности дифференциации и последующего неизбежного разделения системы.

Действительно, многочисленные примеры, приводимые Г. Спенсером, подтверждают широкое действие этого закона, однако есть и противоречащие факты, как, например тот факт, что не все общественные объединения подвергаются неизбежной дифференциации, при этом социальное поведение членов этих объединений сохраняется неизменным. Г. Спенсер сам отмечает наличие «до сих пор существующих диких племен», члены которых демонстрируют однородное социальное поведение. Для того чтобы определить причины ограничения закона развития, рассмотрим как Г. Спенсер видел возникающие несоответствия.

Рассматривая развитие живых организмов с точки зрения «всеобщего закона развития», Г. Спенсер сам отмечает возникшие затруднения. «Возвращаясь к нити нашего изложения, мы должны теперь проследить, в органическом прогрессе, то же самое вездесущее начало. Но здесь, где развитие однородного в разнородное было впервые замечено, труднее показать, как несколько изменений производятся одной и той же причиной. Развитие семени в растение или яйца в животное так постепенно, между тем как силы, определяющие его, так смешаны и вме-

сте с тем так незаметны, что трудно открыть умножение последствий, столь очевидное в других случаях» [6, с. 57, 58].

Разъяснение возникшего затруднения Г. Спенсер ищет в известных фактах изменений развития зародыша под влиянием среды. «Основательность этого взгляда получает еще большую вероятность, если мы примем в соображение факт, что один и тот же зародыш может развиться в различные формы, смотря по обстоятельствам. Так, например, в самом раннем периоде зародыш не имеет пола и становится мужским или женским по определению перевеса действующих сил. Далее, положительно достоверно, что из личинки рабочей пчелы выйдет пчелиная матка, если вовремя переменить пищу ее на ту, которой питаются личинки маток. Все эти примеры предполагают, что каждый шаг в зародышевых усложнениях происходит от действия случайных сил на прежде уже существовавшие усложнения. Действительно, мы имеем основание a priori полагать, что развитие происходит именно таким образом» [6, с. 59].

Действительно, изменение пола и не только в личиночном, но и во взрослом состоянии (реверсия пола) имеет место в живой природе (например, у некоторых видов рыб), но нельзя назвать это явление повсеместным и широко распространенным. Второе же утверждение Г. Спенсера о том, что «каждый шаг» в развитии зародыша происходит от действия внешних «случайных сил», не соответствует современным представлениям генетики, о которых Г. Спенсер в свое время, конечно, ничего не знал.

«Теперь известно уже, что ни один зародыш, животный или растительный, не содержит в себе ни малейшего начала, следа или обозначения будущего организма; микроскоп показал, что первый процесс, возникающий в каждом оплодотворенном зародыше, есть процесс повторенных одновременных дроблений, кончающийся образованием массы клеточек, из которых ни одна не проявляет какого-либо специального характера; поэтому нет, кажется, иного исхода, как предположить, что частная организация, существующая в данную минуту в развивающемся зародыше, переводится влиянием внешних деятелей в следующий фазис организации, этот – в дальнейший, пока сквозь постоянно возрастающие усложнения не выработается окончательная форма» [6, с. 59, 60].

Г. Спенсер чувствует слабые стороны своих рассуждений, объясняя их недостаточным развитием биологических знаний на тот момент времени. «Мы все еще находимся во мраке по отношению к тем таинственным свойствам, в СИЛУ которых зародыш, подчиненный известным влияниям, подвергается специальным изменениям, открывающим ряд превращений. Вся наша цель состоит в том, чтобы показать, что при данном зародыше, обладающем этими таинственными свойствами, развитие из него организма зависит, по всей вероятности, оттого умножения действий, которое, как мы видели, составляет причину прогресса вообще, насколько мы доселе проследили это» [6, с. 60].

Теперь уже «таинственные свойства» хорошо известны в науке. По представлениям современной генетики, зародыш любого организма содержит в себе и начало, и конец будущего организма, так как генетически определяется как общий план будущего организма, так и неизбежный в будущем процесс старения и смерти организма, но «середина» в некоторой степени подвержена изменениям в силу того, что в процессе онтогенеза, в формировании организма принимают участие как генетическая программа, так и воздействия среды. Причем особенно подвержены коррекции средой многие поведенческие признаки и социальное поведение в частности.

Рассматривая некоторые особенности поведения человека, Г. Спенсер также замечает наличие дифференциации. «Заметим, прежде всего, как многочисленны действия, производимые каким-либо резким изменением на вполне зрелый организм, например на человеческое существо. Какой-нибудь тревожный звук или зрелище кроме впечатлений на органы чувств и нервов способны произвести содрогание, крик, искривление лица, дрожь вследствие общего расслабления мускулов, внезапный пот, прилив крови в

мозг, за которым последует, может быть, остановка деятельности сердца и обморок» [6, с. 58]. Однако следует заметить, что изменения, возникающие как в случае резких изменений, обычно не сохраняются. После окончания воздействий, организм возвращается в прежнее состояние, но при этом сохраняется память о пережитом воздействии, что при многократных повторениях может привести к закреплению способов противодействия в культурном наследовании (но не генетическом), что может изменить социальное поведение как отдельных индивидов, так и всего общества, т. е. действительно может привести к дифференциации.

Г. Спенсеру представляется, что развитие всей биосферы Земли более ясно отражает открытые им закономерности. «Когда, …мы переходим к развитию земной флоры и фауны, ход нашей аргументации снова делается ясным и простым» [6, с. 60]. Однако это утверждение оказывается слишком оптимистичным, так как и в этих случаях возникают затруднения. Спенсер обосновывает дифференциацию в животном мире «изменением привычек», которые «непременно должны в некоторой степени изменить и организацию» [6, с. 61, 62]. Однако таких непрерывных изменений организаций животных, как можно было бы ожидать из теории Спенсера, в природе не наблюдается, Г. Спенсер это замечает. «Взятые в массе, эти расходящиеся разновидности, бывшие результатом новых физических условий и привычек жизни, проявят изменения весьма неопределенного рода и степени, изменения, которые не составят необходимого шага вперед. Вероятно, в большем числе случаев измененный тип не будет ни более, ни менее разнороден, чем первоначальный. В тех случаях, когда вновь усвоенные привычки жизни проще прежних, результатом будет менее разнородное строение: произойдет отступление назад» [6, с. 62]. Для теории эволюции подобных теоретических проблем не существует, поскольку дифференциация и видообразование – это только частный случай эволюционного процесса, поскольку кроме направленного и дизруптивного отбора есть и стабилизирующий отбор, который, напротив, поддерживает именно единообразие, уничтожая отклоняющиеся варианты [6].

Действительно, существующие на Земле виды являются весьма консервативными системами, поведение которых не подвержено непрерывным изменениям, которые следовало бы ожидать исходя из представлений Г. Спенсера о постоянно набирающей скорость непрерывной дифференциации. Любые изменения видов происходят только в случае существенных изменений внешних условий, причем настолько существенных, что прежние адаптивные реакции не могут их компенсировать. Хорошо адаптированная к существующим условиям среды живая система стремится сохранить достигнутую гармонию, сохраняя свою структуру неизменной в случае стационарных условий или противодействуя возникающим изменениям среды до тех пор, пока норма реакции и приобретенные в процессе жизни особенности позволяют сохранять структуру неизменной, что соответствует, в целом, современным эволюционным представлениям, однако не соответствует представлениям Г. Спенсера о постоянном процессе дифференциации.

«Всеобщий закон изменений» Спенсера следует из того, что «различные части однородной агрегации неизбежно подвержены действиям разнородных сил, разнородных по качеству или по напряженности, вследствие чего и изменяются различно» [5, с. 244]. Закономерности дифференциации как фундаментального процесса разнообразия (видообразования) есть и в теории эволюции. Действительно, **если** части популяции какого-то вида попадают в разные условия, то под действием естественного отбора выживают наиболее приспособленные к данным условиям, что приводит к приспособительным изменениям и является основой видообразования. В этом, казалось бы, тезис Спенсера полностью совпадает с основополагающими идеями теории эволюции, но это только на первый взгляд.

На самом деле в тезисе Спенсера скрывается фундаментальная теоретическая ошибка, которая заключается в отсутствии оговор-

ки, начинающейся со слова «если», которое выделено не случайно. Действительно, с точки зрения общей теории систем, система – это комплекс взаимодействующих элементов, действующих по отношению к среде как единое целое, т. е. именно как целое, а не частями. Причем свойства системы не сводятся к свойствам ее элементов, возникают новые эмерджентные свойства, поэтому изменения могут произойти только во всей системе, а не в различных ее частях.

Действительно, в концепции Г. Спенсера о дифференциации трудно объяснить существование целого, так как оно неизбежно должно быть разделено на дифференцированные части, которые, в свою очередь, подвергнутся распаду и т. д. В результате этой ошибки эволюция Спенсера (слишком разумная, по мнению Ч. Дарвина [2, с. 259]) представляется как бесконечное и безграничное всеобщее стремление к усложнению разнообразных систем, ограниченное только моментом достижения состояния «динамического равновесия, обладающей инерцией самосохранения» [2, с. 246]. Но это состояние равновесия, по мнению Г. Спенсера, является неустойчивым, так как «…условия однородности суть условия неустойчивого равновесия» [6, с. 90], что тоже является ошибочным положением, поскольку с точки зрения системной теории все системы обладают такими свойствами, как способность к адаптации и саморегуляции. Поэтому состояние, которое Спенсер называл «динамичным равновесием», на самом деле весьма устойчиво, поскольку система способна оказывать активное сопротивление внешним воздействиям.

Однако если следовать свойствам системы, приведенным выше, дифференциация системы оказывается невозможной, но она, безусловно, происходит как в дикой природе, так и в обществе. Посмотрим, как решается эта проблема в теории эволюции. После слова «если» оговариваются условия, при которых происходит дифференциация и в дальнейшем возможно видообразование. Эти условия четко прописаны в теории эволюции и заключаются в том, что дифференциация действительно происходит, но только в том случае, если части популяции находятся в генетической изоляции, причем от степени изоляции и различий среды обитания зависит скорость видообразования. Дарвин, конечно, о генах ничего не знал, но именно исследование животного мира Галапогоских островов, где наличие изолирующего фактора – водной преграды – привело к разнообразию форм животных, обитаю на разных островах, и стало основанием для формулирования закономерностей видообразования.

Действительно, дифференциация, ведущая к распаду системы, происходит только в том случае, если эмерджентные свойства между частями системы ослабевают. В приведенном положении теории эволюции части систем изолированы (генетическая изоляция), поэтому их взаимосвязь ослабла и, следовательно, эмерджентные свойства между ними ослабевают или отсутствуют, что и приводит к дифференциации и видообразованию.

Таким образом, основополагающий тезис Спенсера, образно говоря, отражает реальность только в своем зеркальном отражении – ошибочен для системы, но справедлив именно тогда, когда система прекращает свое существование, т. е. утрачивает свои системные свойства. Дифференциация и дальнейший распад социальной системы, как и любой другой, происходит в том случае, если части системы устанавливают различные не совместимые цели, связь между частями ослабевает, системные свойства утрачиваются, т. е. как и утверждается в теории эволюции – в случае изоляции, что ведет к формированию самостоятельной системы. Так могут выделяться религиозные, этнические, национальные объединения, что создает не мало проблем в современном мире, так, например, отделились староверы в России, но до тех пор, пока главными остаются общие цели, сохраняются системные взаимодействия, разделения на различные системы произойти не может.

«Закон всеобщего изменения», по мнению Спенсера, включает также дифференциацию внутри социального объединения, что как во времена Спенсера, так и теперь наблю-

дается в социальных объединениях. Это, вероятно, следуя логике Спенсера тоже должно в конечном итоге привести к распаду социальной системы. Указаний на то, что этого не произойдет, в трудах Спенсера нет, но есть утверждения о неизбежном распаде любой системы. Это еще одна системная ошибка Спенсера, поскольку внутренняя стратификация не может привести к распаду системы до тех пор, пока существуют общие цели и системные связи, даже в том случае, когда силы внутренней дифференциации очень сильны и приводят к весьма существенным различиям между частями системы. Эти закономерности хорошо известны в теории эволюции, например явление полового диморфизма – женские и мужские особи могут очень сильно отличаться морфологически, обычно они имеют также и генетические различия, но к распаду системы это привести, конечно, не может.

Стратификация системы не всегда связана с генетическими изменениями, что совершенно справедливо заметил Спенсер в отношении пчелиной семьи. Рабочие пчелы и матка действительно генетических отличий не имеют, но трутни генетически от них отличаются. Стратификация живой системы может иметь генетические основания, а может не иметь таковых, но до тех пор, пока части объединены общей системной целью, распада системы не происходит. Не важно, какая это система: пчелиная семья, человеческое общество, коммерческая организация и т. д., общая цель: совместное выживание, получение прибыли или любая другая. В этом случае в системе формируются подсистемы, которые в рамках общей цели имеют свои подцели, что не предполагает возможности распада [4].

Распад, который, по мнению Г. Спенсера, происходит вследствие накопления дисгармоний и прекращения борьбы за существование [2, с. 247], логически приводит к выводу, что прежде должно было иметь место абсолютно гармоничное состояние, которое со временем становилось все менее гармоничным вплоть до распада системы.

На самом деле, согласно современной теории эволюции абсолютной гармонии взаимодействия системы со средой никогда не могло существовать, так как любая адаптация относительна и не может быть абсолютной. Можно говорить только о степени адаптации, которая постоянно «проверяется на прочность» отбором, вследствие чего «дисгармонии» накапливаться не могут, так как постоянно подвергаются отсеву под действием отбора.

Распад системы происходит тогда, когда система не находит адекватного ответа на внешние воздействия и находит решение в более простых формах, но действие отбора не прекращается никогда, пока существуют живые системы. Все формы отбора, действующие в тех или иных условиях среды, известны в современной теории эволюции, с которой Г.Спенсер не был знаком, что не позволило ему осознать силу и огромное значение стабилизирующих процессов.

Акцент Г. Спенсера на факторах среды, недостаточно полное изучение внутрисистемных взаимодействий привели к представлению о том, что именно факторы среды играют ключевую роль в социальных процессах, которые, главным образом, заключаются в непрерывных процессах дифференциации, являющихся движущей силой эволюции. Поэтому в его теории социальное поведение выглядит как детерминированное внешними обстоятельствами и постоянно изменяемое под воздействием изменений среды, что, безусловно, отчасти имеет место. Однако другая сторона социального поведения, обеспеченная внутрисистемными процессами и связанная с относительным консерватизмом как генетически определенных границ изменений, так и отработанных поколениями людей традиций, систем табу, культурных и моральных ограничений, изменение которых – трудный и весьма болезненный для общества процесс, выпали из поля зрения ученого.

Дарвин смог понять и почувствовать единство системных процессов в их многообразии и гармонии противоречий, видение же Г. Спенсером этих процессов представляется не полным, поэтому автором теории эволюции стал Дарвин, а не Спенсер, а закономерности социальной эволюции до сих пор не имеют единой системной основы.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Грант В.* Эволюция организмов. М., 1980.
2. История теоретической социологии: в 4 т. / ответ. ред. и составитель Ю. Н. Давыдов. М.,1997. Т. 1.
3. *Ковалевский М. М.* Дарвинизм в социологии // Памяти Дарвина: сб. ст. М., 1910.
4. *Месарович М.*, *Мако Д.*, *Такахара Я.* Теория иерархических многоуровневых систем. М., 1973.
5. *Спенсер Г.* Основные начала. СПб., 1899.
6. *Спенсер Г.* Прогресс, его закон и причина // Опыты научные, политические и философские. Минск, 1997. Т. 1.

REFERENCES

1. *Grant V.* Evolyutsiya organizmov. M., 1980.
2. Istoriya teoreticheskoy sotsiologii: v 4-kh t. / otvet. red. i sostavitel' Yu. N. Davydov. M.,1997. T. 1.
3. *Kovalevsky M. M.* Darvinizm v sotsiologii // Pamyati Darvina: sb. st. M., 1910.
4. *Mesarovich M., Mako D., Takakhara Ya.* Teoriya iyerarkhicheskikh mnogourovnevykh sistem. M., 1973.
5. *Spenser G.* Osnovnye nachala. SPb., 1899.
6. *Spenser G*. Progress, yego zakon i prichina // Opyty nauchnye, politicheskiye i filosofskiye. Minsk, 1997. T. 1.